

Ветер истории

Елена Прудникова

Роковой 53-й. Смертельные игры

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)632

Прудникова Е. А.

Роковой 53-й. Смертельные игры / Е. А. Прудникова — «ВЕЧЕ»,
2026 — (Ветер истории)

ISBN 978-5-4484-6084-5

1953 год стал одним из переломных в советской истории. Смерть И.В. Сталина, падение Л.П. Берии, приход к власти Н.С. Хрущева изменили вектор развития страны, что во многом предопределило в последующем развал и гибель СССР. Почему это стало возможным? И кто несет за это ответственность? Как говаривал в своё время Л.М. Каганович: «У каждой аварии есть имя, фамилия и должность». В исследовании Елены Прудниковой эти имена, фамилии и должности названы. События, казалось бы, не связанные между собой, складываются в единую картину — как обычно, не имеющую ничего общего ни с одной из общепринятых трактовок. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)632

ISBN 978-5-4484-6084-5

© Прудникова Е. А., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	9
Загадка блицпленума.	10
А чем еще это могло быть?	13
Кто был главой государства?	17
Глава 2	21
За что?	21
Роковая кнопка	26
А кто тут, собственно, Верховный?	28
Версия помощника Маленкова	30
Глава 3	35
Человек в шляпе	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Прудникова

Роковой 53-й. Смертельные игры

*И ведь никто не хотел ни убийств, ни войн, ни мятежей, все обдeldывали свои делишки и заматали следы...
Вера Камша. Сердце Звeря*

Серия «Ветер истории»

© Прудникова Е.А., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

В два часа дня в танковой дивизии – обед. Если, конечно, нет войны. Но если нет войны, то в 14.00 личный состав рассаживается с мисками на травке или за столами в столовой – как получится. И вот в это самое время командиру танкового соединения звонит министр обороны и, ничего не объясняя, приказывает: срочно поднимать по тревоге три танковых полка, остальные содержать в резерве в полной боевой готовности, загружаться боеприпасами под самую завязку и войти в столицу. Три полка – это около трехсот танков.

Один полк стал на господствующей над столицей высоте, подготовившись к обстрелу, другой перекрыл подступы, третий – взял под контроль вокзал, почту, телефон, резиденцию правительства.

В то же время и такие же действия по приказу того же министра обороны произвела мотострелковая дивизия. Соединение реактивных бомбардировщиков получило приказ – приготовиться бомбить резиденцию правительства, находящуюся в центре столицы. Единствен-

ный, кто отказался выполнить приказ, – начальник этого соединения, который объяснил, что если он отбомбится по правительственной резиденции, то заодно снесет и город. После этого от него отстали. Но две другие авиадивизии были все же изготовлены к бою. На самолеты установили вооружение для стрельбы по наземным целям.

Базировавшийся неподалеку от столицы артиллерийский полк, наоборот, получил задание развернуть батареи на огневых позициях и изготовиться к стрельбе по воздушным целям. На выезде на шоссе им перекрыла дорогу мчащаяся к столице колонна танков.

Что это? Где это?

Происходило это, допустим, в некоей условной стране, в условное время, во второй половине XX века. Если очистить эту историю от конкретных имен и дат, изложить ее «условно», обнажив голые факты, то современному человеку с его наметанным глазом совершенно ясно, что перед нами – сценарий государственного переворота. Либо сценарий подавления государственного переворота. В «банановых республиках» такое происходит сплошь и рядом.

Но нет, это не Латинская Америка. Это Москва. 26 июня 1953 года. Арест Берии, приход к власти Хрущева. Переворот – контрпереворот. Плюс – минус. Передел власти после смерти вождя. Обычное дело.

А это точно так?

Часть 1

Кремлевский детектив

*То, что уже случилось, кажется ясным, но если отбросить
сакраментальное «это знают все» и начать задавать вопросы?
Вера Камша. Сердце Зверя*

Этот год в советской истории справедливо считается переломным. 5 марта 1953 года умер Сталин. Первое время после смерти сильного правителя – самое опасное для остающихся и для страны. Ожидали, что в СССР начнется борьба за власть – и она таки была, хотя и оказалась очень странной. После ухода Ленина страну лихорадило аж до 1927 года, а тут все решалось за три месяца: кремлевская верхушка исторгла из себя и уничтожила Лаврентия Берия, после чего сплотилась и повела страну к светлому будущему.

Правда, новый вождь оказался слишком эксцентричным и экономически малограмотным, хотя за власть держался крепко. Его попытались снять в 1957 году – не вышло. Вторая попытка, в 1964 году, оказалась удачной – престарелого Хрущева таки выперли с олимпа. Но его не арестовывали, отправили на дачу сажать огурцы и снова повели страну к светлому будущему. Хотя хрущевское правление – это уже другая история.

На первый взгляд все получается логично и понятно. Но уже на второй видишь, что эта песенка так просто не поется. Во-первых, Берии не дали времени показать себя. Вся его «воля и власть» – чуть больше трех месяцев. Он ничего не успел. Не достал всех, как Хрущев, не вел страну от одной ямы к другой, не баловался неумными авантюрами. Во-вторых, его не отправили на дачу, а убили быстро и безжалостно. Вот и вопрос: что он такого натворил? Нет, наиболее вероятному противнику, как и менее вероятным, человек, создавший из ничего мощнейший оборонный комплекс, был поперек горла, но советским-то лидерам он чем не угодил? Ведь делить вчерашним соратникам было нечего.

С чего они вдруг сцепились? Хрущев никогда не рвался в Совет Министров, Берия не интересовала партийные дела, Булганину ни на что не сдалась дипломатия, а Молотову – армия. Когда Ленин заболел и отошел от дел, что-то никто из его соратников в вожди не рвался. Троцкий? Так он хотел бороться и критиковать, а не управлять страной, остальные и того не хотели. В конце концов спихнули власть на Сталина и успокоились, занялись политикой и партийными интригами. А нынче какая муха укусила советскую верхушку, что они принялись танки по улицам гонять?

Нет, разногласия у них были, не без того. Но нельзя же всерьез считать, что требование к партийному аппарату вновь присоединенных областей (Западная Украина и Прибалтика) знать местные языки, поскольку тамошнее население в массе своей по-русски не говорило, – что это требование оказалось для партийных сердец таким уж нестерпимым. Или что они хотели порешить друг друга из-за строительства социализма в Германии. Даже и не смешно.

На поверку оказалось, что борьба была, и еще какая – смертельная. Но вот мотив ее совершенно непонятен. Группировки во власти имелись – однако не антагонистические, все их противоречия решались аппаратными методами. У Хрущева даже «теневого кабинета» не было – как стояло у власти сталинское Политбюро, так оно там и осталось, почистили только органы. Более того, пришедшая к власти команда так и не смогла найти путного председателя Совета Министров, экономику стало валять во все стороны, кончилось все тем, что Советский Союз начал продавать нефть и ввозить зерно...

Если бы к власти пришли молодые да борзые, вроде того же Алексея Кузнецова (ленинградского), от него можно было ожидать резких шагов. Ну, погорячился, взял власть, не справился – с кем не бывает... Хрущев, конечно, любил косить под дурачка, но дурачков в сталин-

ском Политбюро не было, их там не держали. Ну да ладно, Хрущев – а остальные? Поседевшие на высоких постах партийные волки, которые знали о власти все, – им-то какая вожжа попала под хвост? Чего мы не знаем?

И для начала неплохо бы ответить на первый вопрос: что представляла собой власть в СССР после смерти Сталина?

Глава 1

Почему Сталин не оставил преемника?

*Да, был культ... но была и личность.
Крылатая фраза*

Самая распространенная версия, запущенная в обращение с подачи Хрущева, – престарелый вождь судорожно цеплялся за свою власть и просто не мог оставить преемника, ибо пребывал в страхе, что тот его скинет. С другой стороны, иногда из глубин исторической науки всплывает какое-нибудь имя – например, заместителя председателя Совета Министров Пантелеймона Пономаренко. Почему Пономаренко? Бывший министр заготовок, ничем не выделявшийся среди других таких же министров? Кому из историков и чем он понравился – неизвестно, поэтому ответ может быть один: а потому что! Называют Кузнецова, Вознесенского... но если так, почему вождь позволил их расстрелять? А потому что интриги... А почему интриги? А потому что Берия... А почему Берия? А потому что злодей!

Ну и так далее... В общем, кто остался наверху, тот и остался. И все, конечно же, рвались к власти – ведь наверху все рвутся к власти, каждый второй, пятый... двенадцатый просто мечтает стать первым. Почему? Это же общеизвестно, иначе не может быть, потому что не может быть никогда!

«К концу 1952-го самый сильный тандем Маленков – Берия, казалось бы, прочно овладел инициативой, прежде всего потому, что опирался на спецслужбы, плюс к этому Маленков держал в руках весь партийный и советский аппарат... Их союз был скорее вынужденным, чем добровольным. Действуя совместно, каждый мечтал править единолично...»

...Теперь власть уже делили в открытую... Вперед, как и ожидалось, вырвалась связка Маленков – Берия. Маленков по предложению Берии становится председателем Совета Министров, Берия и Молотов – его первыми заместителями...

В первые же дни после смерти Сталина дружба Маленкова и Берии переросла в тайное соперничество. Но к открытому противостоянию они еще не были готовы. В этих условиях Хрущев вдруг оказался полезным для обоих. Он стал своего рода посредником между Маленковым и Берией и, ловко используя ситуацию, сохранял хорошие отношения и с тем, и с другим...»

А. Сухомлинов. «Кто вы, Лаврентий Берия?»

Эта цитата взята из первой книжки, что была под рукой, навскидку. Авторы тут несущественны, поскольку все пишут одно и то же. Версия о таком раскладе наверху очень стара, кочует из издания в издание и утверждает, что после смерти Сталина его бывшие соратники вступили в спор за личную власть. «Связки», правда, несколько варьируются: кто-то называет в качестве дружественной пары Берию с Хрущевым, кто-то объединяет «ястребов» Булганина с Берией против «голубя» Маленкова¹. Доказательств этому нет, все это – не более чем обычный так называемый «политологический анализ», когда, основываясь на ну очень косвенных доказательствах, пытаются каким-то образом реконструировать события и делают иной раз такие выводы, что просто слов нет. Да вы что, смеетесь – какой в конце 1952 года может быть тандем Маленков – Берия, овладевший инициативой? Сталина-то, Сталина куда дели, господа политологи? Это не тот человек, которого можно, как старый пыльный чемодан, задвинуть под диван и забыть...

¹ «Ястребы» и «голуби» – термины, определяющие отношение политического деятеля к военно-промышленному комплексу. Первые – те, кто отстаивает интересы ВПК, вторые – сторонники, возможно, более мирного развития страны. Кстати, поскольку оборонный комплекс обеспечивает нашей стране мир, его представителей следует отнести скорее к «голубям»...

Но его вообще забыли, приняв за истину старую сказку о цепляющемся за власть престарелом тиране. Хрущевскую, между прочим, сказку, главный смысл которой в том, что Сталин настолько дрожал за свою власть, что так и не подготовил себе смену.

Хрущев если и говорит когда-либо правду, то исключительно по недосмотру. Однако и во лжи есть свой смысл. Никита Сергеевич не знает чувства меры. Поэтому, коль скоро он что-нибудь особо активно утверждает, это дает повод заподозрить: он пытается скрыть тот факт, что на самом деле все было совсем наоборот. Если говорить о реальном Сталине, а не придуманном нашей пишущей интеллигенцией тиране – это, конечно же, бред. Вождь, каким он был на самом деле, человек чрезвычайно осторожный и предусмотрительный, не мог не думать, что будет со страной в случае его смерти, и не позаботиться о передаче власти. Он всю жизнь раньше думал о Родине, а потом о себе. А значит, знал и позаботился, чтобы было кому в случае чего перехватить штурвал. И если хрущевские идеологи столь упорно вбивают в головы, что это не так, – значит, на то есть своя причина.

Да, такие люди, как Сталин, не на конвейере появляются. Другого подобного гиганта на советской вершине власти ожидать не приходилось. Сталин и не ожидал, но сие не значит, что устройство страны после себя он пустил на самотек. Слишком хорошо он помнил, что творилось в Политбюро после внезапного ухода Ленина в 1922 году: и растерявшихся Зиновьева с Каменевым, и Троцкого, читавшего на заседаниях французские романы, отвлекаясь лишь на критику всего и вся, и чего стоило выправить положение...

Была личность – был культ, нет личности – не будет культа, но преемник должен существовать, равно как и заточенная под него система власти. Крайне редко во главе государств оказываются великие правители, а государства – ничего, живут себе.

Надо совсем не иметь представления о личности вождя или судить о нем по хрущевским рассказам, чтобы предполагать, что он об этом не думал и не позаботился.

Загадка блицпленума.

*Прошлое – это прошлое, оно не должно путать ноги будущему.
Вера Камша. От войны до войны*

Вернемся в тот роковой день 5 марта 1953 года. Сталин был еще жив, когда вечером собрался совместный пленум ЦК, Совета Министров и Президиума Верховного Совета. Действо заняло сорок минут. Пленум назначил председателем Совмина – то есть фактическим главой государства – Маленкова, его первыми заместителями – Берия, Булганина, Молотова, Кагановича. Да еще Министерства внутренних дел и государственной безопасности объединились в одно – МВД, и министром стал Берия.

Когда принимались эти решения? У партийной верхушки было четыре дня, начиная со второго марта, можно было и договориться, кто теперь будет у власти. Молотов в 1955 году говорил на пленуме ЦК:

«Мы стоим у постели безнадежно больного человека, пришла смерть. Надо думать о дальнейшем, надо поговорить между собой, но никто не берется за это, так как двое – товарищ Маленков и Берия, изображая из себя наиболее близких И.В. Сталину людей, уже что-то готовят в том доме, где умер Сталин. Они вдвоем в течение последних двух-трех дней, пока продолжалась агония больного человека, удалились на второй этаж, не желая ни с кем иметь дело, подготавливая решение организационных и политических вопросов, связанных со смертью Сталина, вдали от всех других руководящих деятелей. Сразу после смерти И.В. Сталина они вносят готовые, сформулированные ими предложения, включая текст Обращения

ЦК, Совета Министров, Президиума Верховного Совета СССР, а также состав Правительства, реорганизацию министерств и прочее...»²

Ага, они что-то там готовили, а остальные даже не поинтересовались. 5 марта Маленков сказал: «Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве». Следует ли понимать так, что если бы Маленков с Берией не подсустились, то остальные так бы и продолжали щелкать клювом «у постели больного человека»? Тут не то, что перебой в руководстве, тут власть и вообще уронить можно – вместе со страной...

Но если мы прочтем не выписку из протокола, а сам протокол пленума³, то появляются очень сильные сомнения, что его можно было подготовить за четыре дня на втором этаже сталинской дачи. В нем насчитывается семнадцать пунктов. Создание Президиума Совета Министров и его члены – поименно. Рекомендация (а фактически назначение) председателя Президиума Верховного Совета вместе с секретарем и заместителем. Назначение нового министра иностранных дел (Молотова) и его заместителей и новая должность прежнего министра. Назначение военного министра (Булганин) с заместителями. Объединение министерств торговли в одно с назначением министра (Микоян) с заместителями. Объединение нескольких машиностроительных министерств в два крупных с назначениями министров. Создание министерства электростанций и электропромышленности с назначением министра. Создание Президиума ЦК КПСС (поименно членов Президиума и кандидатов). Решения по Секретариату ЦК КПСС – поименно. Без прений, без голосования, списком.

Итак, что поместилось в эти сорок минут? Информационное сообщение министра здравоохранения Третьякова. Вступительное слово Маленкова. Выступление Берии с предложением избрать Маленкова председателем Совета Министров, причем обратите внимание на текст:

«Кандидатура товарища Маленкова выдвигается членами Бюро единодушно и единогласно. Мы уверены – вы разделите наше мнение о том, что в переживаемое нашей партией и страной трудное время у нас может быть только одна кандидатура...» Ни одного возражения из зала, ни одного – упрямый Молотов, кстати, тоже промолчал, хотя уж этот-то никого не боялся. Затем выступает Маленков с теми самыми семнадцатью пунктами. Надо полагать, сорок минут пленума как раз на это и ушли.

Все эти назначения – они тоже были продуманы и проговорены у постели больного вождя? Особенно ну очень срочные решения по машиностроительным и торговому министерствам и отправке заместителя министра иностранных дел послом в Китай, да... У постели умирающего вождя, в страшном напряжении, в стрессе...

Блажен, кто верует, тепло ему на свете...

Как бы то ни было, Сталин еще был жив, когда его соратники огласили новую систему власти Советского Союза, достаточно стройную и продуманную как по структуре, так и по персоналиям. Сталин был одновременно председателем Совета Министров, главой, пусть и неформальным, Политбюро и секретарем ЦК – он имел абсолютную власть над страной. Но другого человека такого масштаба в советской верхушке не было, и власть разделилась на партийную и государственную, каждая ветвь со своим лидером.

Маленков вскоре заявит о необходимости прекратить политику культа личности (не путать с «культом личности Сталина» – это разные вещи) и откажется от поста секретаря ЦК.

² Выступление В.М. Молотова о Г.М. Маленкове на январском пленуме ЦК КПСС 1955 года. Проект «Исторические Материалы».

³ Протокол совместного заседания Пленума ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР 5 марта 1953 г. За подписью секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева // Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации. Протокол совместного заседания Пленума ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР 5 марта 1953 г. за подписью секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева // Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации.

Хрущев оставит пост первого секретаря Московского обкома и, формально являясь одним из секретарей, по сути, уже тогда станет главным в партии. Одного лидера у страны больше не было, но созданная система являлась стройной и четкой. Есть государственная власть, есть партийная, их сферы влияния поделены. В переформатировании министерств тоже был свой смысл – они перераспределяли контроль и нагрузку. Например, раньше МИД и Министерство внешней торговли курировал Сталин, однако в новом правительстве таких знатоков не нашлось, и поневоле пришлось возвращать Молотова и Микояна – эти справятся, хоть и нужен за ними глаз да глаз. Объединение машиностроительных министерств во главе с сильными министрами снижало нагрузку на Берия, которому теперь придется заниматься много чем еще. Ну и так далее...

Каганович на июльском пленуме 1953 года возмущался:

«Никому не позволено, когда этот подлец говорит: ЦК – кадры и пропаганда. Не политическое руководство, не руководство всей жизнью, как мы, большевики, понимаем».

«Этот подлец» в данном контексте – Берия, но вы думаете, это Берия придумал такое ограничение партийной власти? Ему-то зачем? Ему и партия годилась, он пользовался ею точно так же, как всеми остальными властными структурами. Вячеслав Малышев по прозвищу «Князь Танкоградский», министр среднего машиностроения СССР, человек бериевской команды, не в силах придумать, что бы сказать плохого, на том же пленуме заявлял:

«Не было положения, чтобы он нас учил, чтобы у партийной организации попросил помощи организовать партийную работу и так далее. Он считал секретарей областных комитетов диспетчерами. За какое дело он возьмется, по такому делу секретарь обкома – диспетчер...»

Никто в зале ему не возразил. Уж определились бы, что ли, либо «руководство всей жизнью», и тогда секретарь обкома и должен быть диспетчером, либо он занимается чисто партийной работой, то есть чем? Кадрами и пропагандой.

В общем, придумал это явно не Берия, ему до партии дела не было, равно как и партии до нюансов машиностроения, а вот Сталин – тот да, мог. И ведь прав был...

Когда Маленкова на июльском пленуме называли преемником Сталина, он достаточно резко возразил: «Все мы преемники, одного преемника у товарища Сталина нет».

Их и вправду было несколько. Маленков «держал» Совет Министров, Хрущев – партию, Молотов – дипломатию, Булганин – армию, Микоян – торговлю... К единоличной власти никто из этих людей никогда не стремился, равно как и Берия – он был менеджером, капитаном промышленности, ему эта власть была нужна не больше, чем директору завода китайское посольство.

Принято думать, что эту систему власти составили за четыре дня. Мол, соратники только и ждали смерти Сталина, чтобы начать рулить державой, поскольку престарелый тиран цеплялся за власть, и при его жизни это было невозможно – узнает, уничтожит. Откуда известно, что цеплялся? Ну, так рассказывали соратники... Никита Сергеевич, например...

Мы бы тоже в это поверили, если бы не министерства машиностроения, которые можно было объединить и позже, не к спеху... А раз они в постановлении пленума присутствуют, у нас есть все основания предположить, что 5 марта лидеры СССР работали по готовому плану, который составлялся раньше, до форс-мажора, а 5 марта был только озвучен. А если бы не 5 марта, его озвучили бы, допустим, 2 апреля или в другой ближайший день. И что – этот план составлялся соратниками потихоньку от вождя? А вождя-то куда собирались деть? Убить или на даче запереть? И самое главное: его-то что тут не устраивало? Он уже был в 30-е годы лидером страны без государственных постов, что совершенно не мешало править. После войны авторитет вождя вырос неимоверно – кто бы ему помешал присматривать и за новой властью? Ах да, он был престарелым безумным тираном, это же все знают, вот и Никита Сергеевич говорит...

Итак, следующий вопрос: могли эти планы быть следом сталинского преобразования СССР?

А чем еще это могло быть?

*Весь седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь?
Сколько стоил ему Сталинград?*

Александр Вертинский

В 1952 году вождю исполнилось 73 года, и он тридцать лет тянул на себе страну. В эти тридцать лет вместились преобразование экономики от сохи до атомной бомбы, построение нового общества, чудовищная война. Страна из аграрного недоразумения превратилась не просто в развитую – в сверхдержаву, экономика работает, сельское хозяйство... ну, тоже развивается, оборонный комплекс такой, что только сунься! Осталось окончательно решить вопрос о власти, выполнив обещание, которое большевики дали еще в 1918 году, и можно уходить на пенсию, отправляться на дачу. В конце концов, пенсионный возраст в СССР начинался с 60 лет, а рабочий день у царей ненормированный.

В свое время русский публицист Владимир Гурко писал о Николае Втором:

«...В его представлении правление государством сводилось к распоряжениям по отдельным конкретным случаям. Между тем, фактически всероссийский император силою вещей мог только править, т.е. принимать решения общего характера и широкого значения, распорядительная же часть поневоле всецело сосредоточивалась в руках разнообразных начальников отдельных частей сложного государственного механизма и всего ярче выявлялась в лице отдельных министров»⁴.

В его понимании, последний русский царь завалил государственное управление, потому что пытался распоряжаться, а не править. Сталину, с его кадрами, приходилось заниматься и высокой стратегией, и оперативной работой – всем! Теперь страна стояла на ногах прочно, и он начал уменьшать нагрузку. Имел право! Но уменьшать – не значит отойти от дел, отнюдь...

Свидетельств того, что Сталин после войны занимался преобразованием государства, более чем достаточно. Он и до войны этим занимался, и во время войны. Так называемая «сталинская контрреволюция», начавшаяся с середины 30-х годов – ставка на патриотизм, «реабилитация» семьи, постепенное прекращение гонений и примирение с Церковью, вошедшие в армейский обиход слова «генерал» и «офицер», погоны, новый гимн, заменивший «Интернационал» (в котором, кстати, не было ни слова о партии)...⁵

Постепенно продолжался и переход от партийной власти к государственной, который большевики обещали еще в 1918 году. Долгие годы об этом забывали, принимая состояние власти в СССР времен застоя как данность. Однако с 1918 по 1925 год съезды партии проводились каждый год, дальше очередные партийные съезды разделяет два года, три, четыре, пять, а между XVIII и XIX съездами прошло тринадцать лет. А начиная с 1947 года пять лет не собирались и пленумы ЦК правящей (!) партии, а вот сессии Верховного Совета проводились как по расписанию.

⁴ Гурко В. Царь и царица. Париж, 1927.

⁵ Мне приходилось слышать, что современный русский патриотизм, как мы его знаем, – это, вообще-то, советский проект. Знакомясь с дореволюционным русским патриотизмом, убеждаешься – и вправду советский.

В годы застоя об этом не говорили, однако большевистская власть рассматривала положение, при котором ВКП(б) управляет жизнью страны, как временное. Во время Гражданской войны, когда ни в одной из важных областей государственной жизни, будь то госслужба, армия, промышленность и пр., большевики не имели своих кадров, им поневоле приходилось пользоваться услугами царских специалистов. Спецы были квалифицированы, но ненадежны, собственные выдвиженцы работали вообще кто во что горазд. И вот для того, чтобы присматривать за всей этой публикой и как-то организовывать ее, и использовалась партия как этакий глобальный комиссар.

Но время шло, постепенно вырастали кадры народного хозяйства и государства, и необходимость в партийном пригляде уменьшалась – но партаппарат-то не собирался отдавать свою «руководящую и направляющую» роль. Тем более что к тому времени он успел видоизмениться. И вождь не мог не вступить по этому поводу в конфликт с аппаратом КПСС.

И ведь тот аппарат, к которому мы привыкли, партийные боссы брежневских времен – это совсем не те люди, которые заправляли партией в сталинские годы. Это как российская купеческая династия – дед разбойничал, отец торговал, а сын выучился в университете, свихнулся, половину состояния отдал на революцию, вторую пропил и с перепоем застрелился. При финале мы присутствовали лично. Давайте посмотрим, что представляли собой первые два поколения: разбойников и торговцев.

...До революции это была радикальная партия, которая совершенно не готовилась к власти. В нее собирались оппозиционеры-экстремалы, борцы с режимом, то есть по психологическому типу разрушители, созидателей там было крайне мало. А потом, паче всякого чаяния, партия большевиков победила, и из бойцов с дореволюционным стажем начала формироваться власть. За редким исключением, к созидательному труду они были неспособны – психологически неспособны, а это не лечится.

Жизнь у них была трудная. Разрушать им не давали, созидать они не умели. Что оставалось? Можно было еще воевать с остатками «классового противника», и они воевали – сначала с оппозицией, затем с кулаками, потом с врагами народа. Кончилось это тем, что в конце 30-х годов, в ходе репрессий, партия с яростью безумца набросилась на себя саму, и большая часть «верных ленинцев» друг друга перестреляла, к сожалению, прихватив с собой и множество посторонних людей.

Репрессии 1930-х годов выбили большинство старых революционеров, оставив на аппаратных должностях кого попало: иной раз случайных людей, иной раз – карьеристов. И те и другие быстро адаптировались и задавали теперь уже новый тон. На место разрушителей постепенно приходили высокопоставленные чиновники. С одной стороны, они были более квалифицированными управленцами, с другой – где чиновник, там и коррупция, победить которую еще никому и никогда не удавалось.

А процесс отрешения партии от власти тем временем продолжался. Начиная с конца 30-х годов Сталин, подгоняемый тычками соратников, стал, наконец, укреплять режим личной власти (до того он пытался все решать коллегиально). В начале войны эта власть стала абсолютной. Вождь, оставаясь главой партии, стал еще и председателем Совнаркома, председателем ГКО, министром обороны и Верховным главнокомандующим. Во время войны это была необходимая мера, с коллективным руководством Гитлера не разобьешь.

Но война прошла, а вождь не спешил восстанавливать коллегиальность, оставаясь по-прежнему и фактическим главой партии, и председателем Совнаркома и сложив с себя лишь пост министра обороны. Тогда же – это отмечают многие, хотя упоминают об этом глухо – он начинает постепенно перемещать центр тяжести в управлении страной из ЦК партии в Совет Министров. Перемещать потихоньку, по-прежнему не выпуская из рук абсолютную власть. Все реже собирается Политбюро – это не значит, что к управлению страной пришли другие люди, просто со своими соратниками Сталин теперь встречался на заседаниях Совмина. Политбюро

теряет свое значение как властная структура, и партийные аппаратчики наблюдают за этим с явной тревогой.

Тринадцать лет не собирался партийный съезд, все реже проходили пленумы. Да и слова, что ЦК должен заниматься кадрами и пропагандой, принадлежат вовсе не Берии, а Сталину, об этом тоже есть свидетельства. Берия эти слова только повторил, и у него были на то основания.

...Поворот начал совершаться осенью 1952 года, хотя явных доказательств этому нет. Считается, что на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1952 года Сталин пытался подать в отставку. Правда, стенограмма этого пленума почему-то не сохранилась, что наводит на размышления. Впрочем, есть свидетельства очевидцев, аж целых два: писателя Константина Симонова и делегата съезда, тогда секретаря Курского обкома партии Леонида Ефремова. Вспоминали они этот пленум спустя много лет, хотя Ефремов вроде бы делал записи, а может быть, делал их и Симонов. Однако вспоминали разное.

По Ефремову, Сталин в конце своей речи о партийном единстве попросил освободить его от партийных и государственных постов.

«Голос с места: Надо избрать товарища Сталина Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Сталин: Нет! Меня освободите от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР.

Г.М. Маленков на трибуне: Товарищи! Мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Выступал в поддержку этого предложения и Л.П. Берия.

Сталин на трибуне: На Пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря»⁶.

Ага! «Дедушка старый, ему все равно!»

На том же пленуме Сталин обрушился с жесткой критикой на старых соратников – Молотова и Микояна, – то есть именно на тех людей, которым 5 марта доверили МИД и торговлю, те области, которые не могли курировать новые руководители страны. Причем Молотова – за обещание издавать в СССР буржуазную прессу, предложение передать Крым евреям, а также за привычку обсуждать служебные дела в кругу семьи (о его супруге мы поговорим позже). Микояна – и вообще за какую-то ерунду, за то, что был против повышения сельхозналога – явно ругал, чтобы не расслаблялся. Ему не привыкать – Сталин этого хитреца всю жизнь за хвост ловил, да вот только заменить не мог, некем было...

...По Симонову, все выглядело несколько иначе. Во-первых, «старый и немощный» вождь говорил на пленуме полтора часа – экспромтом, без бумажки, причем так говорил, что в зале дышать позабыли.

«Сталин, стоя на трибуне и глядя в зал, заговорил о своей старости и о том, что он не в состоянии исполнять все те обязанности, которые ему поручены. Он может продолжать нести свои обязанности Председателя Совета Министров, может исполнять свои обязанности, ведя, как и прежде, заседания Политбюро, но он больше не в состоянии в качестве Генерального секретаря вести еще и заседания Секретариата ЦК. Поэтому от этой последней своей должности он просит его освободить, уважить его просьбу... Сталин, говоря эти слова, смотрел в зал, а сзади него сидело Политбюро и стоял за столом Маленков, который, пока Сталин говорил, вел заседание»⁷.

⁶ Ефремов Л. Дорогами борьбы и труда. Ставрополь, 1998. С. 16.

⁷ Симонов К. Глазами человека моего поколения.

Так от каких постов вождь просил его освободить? Если он готов был продолжать руководить государством в качестве председателя Совета Министров и осуществлять общее руководство на заседаниях Политбюро, то что означает его отказ от поста Генерального секретаря? Неужели эта нагрузка хотя бы близко сравнима с двумя предыдущими?

Но это еще не все! Читаем Симонова дальше:

«И на лице Маленкова я увидел ужасное выражение – не то чтоб испуга, нет, не испуга, – а выражение, которое может быть у человека, яснее всех других или яснее, во всяком случае, многих других осознававшего ту смертельную опасность, которая нависла у всех над головами и которую еще не осознали другие: нельзя соглашаться на эту просьбу товарища Сталина, нельзя соглашаться, чтобы он сложил с себя вот это одно, последнее из трех своих полномочий, нельзя. Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно воздетые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе. И тогда, загнув раздавившее уже и из-за спины Сталина слова: “Нет, просим остаться!”, или что-то в этом духе, зал загалдел словами: “Нет! Нельзя! Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!”»

Ну и что это за спектакль? То есть нет сомнений в том, что присутствующие и так не приняли бы отставки, но Маленков еще и продирижировал – на всякий случай, а то вдруг пленум пожалеет престарелого вождя, который «стар и бумаг не читает»?

Можно подумать, вождь подавал в отставку в первый раз. В 20-е годы, например, он это делал, когда у него возникали какие-то конфликты и он хотел получить свободу рук. Ну так он ее получил. В Президиум ЦК на съезде было избрано 26 человек, которых назвал Сталин. Половина из них были партработники, половина – люди из промышленности, которые партийных на дух не переносили. Договориться между собой этот орган мог только под взглядом вождя. А внутри Президиума существовало еще Бюро Президиума ЦК, «узкое руководство». Поименно: Сталин, Берия, Маленков, Булганин, Хрущев. «Пятерка», как называли ее позднее. А поскольку Сталин продолжал вести заседания Секретариата, этот орган тоже был послушен – после съезда-то...

Итак, на съезде Сталин полностью подчинил себе партию – на краткое время, потому что 5 марта Президиум ЦК был уменьшен до 10 человек. Вошли в него все те же члены сталинской команды, плюс Хрущев и два министра – Максим Сабуров⁸ и Михаил Первухин⁹, судя по биографии, люди Берии, промышленники. Но вот зачем это было сделано?

Зимой 1952/53 года Сталин мало появлялся в Кремле. «Старел...» – впоследствии, качая головами, говорили соратники, намекая, что вождь в последний год жизни отошел от дел. Ну да, старел, никто с годами не молодеет, но ведь в маразм-то не впадал, нет об этом свидетельств, даже Хрущев не решился такое написать, лишь намекал понемножку. Серго Берия пишет, что в 1952 году он видел Сталина раз пятнадцать – даже он, далеко не входивший в «близкий круг» – в том числе и на заседаниях Политбюро по военно-техническим вопросам, и далеко не в качестве «свадебного генерала». Так что вождь и не думал отходить от дел. Просто дела изменились. Например, он активно участвовал в написании первого учебника политэкономии социализма. Вернулся к изучению истории войны. Наверняка было и еще что-то – например, скинув с рук управление вышедшей на ровную дорогу страной, заняться стратегическим планированием...

(На самом-то деле у Сталина были серьезные причины особо не показываться на людях. После 17 февраля он вообще не приезжал в Кремль, почему, о том еще будет речь. И это та причина, по которой в феврале надо было закончить план реформ – потому что с этого момента

⁸ Председатель Госплана, министр машиностроения, председатель Спецкомитета № 3 (радиолокация).

⁹ Министр электростанций и электропромышленности, заместитель председателя Спецкомитета, один из создателей атомной бомбы.

жизнь вождя висела на волоске, и рисковать страной он не мог. А еще – надо было начинать действовать. Но об этом – потом...)

Итак, Сталин сидел на даче, там у него был и кабинет, и зал заседаний, и туда к нему постоянно ездили четверо из государственной верхушки: Маленков, Берия, Хрущев и Булганин. Они все время о чем-то совещались. Молотов, Каганович, Ворошилов к тому времени от самой верхушки были отставлены, но продолжали оставаться на олимпе, вроде бы в запасе.

Совещалась «пятерка» помногу. Хрущев в своих мемуарах неявно внушает мысль, что занимались они в основном застольями и «общением» – но позвольте все-таки не поверить. Есть много данных, свидетельствующих о том, что Сталин явно готовил какие-то кардинальные преобразования в государстве. Потому-то и справились 5 марта 1953 года с новыми назначениями за сорок минут, что все было готово. С той разницей, что вождь не ушел в отставку, а покинул этот свет.

Итак, роли Хрущева, Маленкова и прочей партийной верхушки понятны. А какова была роль Берии в новом властном раскладе?

Кто был главой государства?

Слона-то я и не приметил...

Крылов

По большевистской традиции, начатой еще Лениным, основным в государстве считался пост председателя Совнаркома. Потом Сталин своей могучей харизмой смешал все карты. Одно время он вообще не занимал значимых должностей, будучи одним из секретарей ЦК, но при этом ни у кого не возникало сомнений, кто является главой государства. А кто был им в 1953 году?

На пленуме ЦК им недвусмысленно называли Маленкова – «преемник товарища Сталина». Мог ли он быть главой государства?

Вот как отзывался о Маленкове Молотов:

«Маленков – очень хороший исполнитель, “телефонщик”, как мы его называли, он всегда сидел на телефоне: где что узнать, пробить, это он умел. По организационно-административным делам, кадры перераспределить – это Маленков. Передать указания на места, договориться по всем вопросам. Он нажимал – оперативная работа. Очень активный, живой, обходительный. В главных вопросах отмалчивался. Но он никогда не руководил ни одной партиорганизацией, в отличие от Хрущева, который был и в Москве, и на Украине...»

Вспоминают, что Маленков был мягкий, деликатный человек, однако за этими качествами прятался цепкий и холодный ум. Но годился ли он на роль Первого в государстве? Едва ли. В первую очередь потому, что всегда был партийным функционером и никогда ничем настоящему не управлял. Почему именно он? Другого не было?

Итак, ответ на вопрос, заданный в заголовке, должен звучать так: в 1953 году главой государства (не считая, разумеется, председателя Президиума Верховного Совета товарища Ворошилова) был председатель Совета Министров товарищ Маленков. Ну что ж, тогда зададим аналогичный вопрос: а кто в 1937 году был главой государства (не считая товарища Калинина)? И дадим аналогичный ответ: председатель Совета народных комиссаров товарищ Молотов. А что, не так, что ли?

В криминалистике есть понятие «почерка». Почему никто не допускает, что нечто подобное может быть и в политике?

Чем странен расклад 1953 года? Ролью в нем Маленкова. С самого начала своей карьеры Георгий Максимилианович был деятелем партийным. Нет, он совершал кратковременные экс-

курсы в промышленность, но ненадолго и неуспешно. Почему в новом правительстве главным по партии стал не он, а Хрущев?

Когда Никита Сергеевич в воспоминаниях говорит по отношению к окружению вождя «мы» – он таки преувеличивает. Он перед войной слетел с секретарей Московского комитета на должность первого на Украине, в войну был всего-навсего членом Военного совета фронта, потом снова вернулся на Украину и лишь в 1949 году материализовался в Москве, снова на должности первого секретаря обкома и по совместительству секретаря ЦК. Явно неровня остальным: те были крупными деятелями еще в 30-е годы и оставались таковыми во время войны. Берия, Молотов, Маленков – вообще члены ГКО. Хрущев стал главным по партии явно по той причине, что этого не мог сделать Маленков. Последний же весной 1953 года вообще демонстративно вышел из секретарей ЦК, чтобы не связывать своей персоной государство с партией. Сталин мог совмещать эти посты, а Маленков – нет. Почему?

Хотя и главой государства он вряд ли мог быть, не тот характер – максимум вести заседания Совмина. А кто им был? Если по Марксу: экономика – базис, все остальное – надстройки. У Сталина, при всех его многогранных талантах, основным была все же не парторбота...

Впервые Берия показал себя на ниве государственного управления еще в 30-е годы, когда за несколько лет вывел отсталую национальную окраину в число богатейших республик Советского Союза. Причем не за счет дотаций из Москвы, а благодаря тому, что он умел руководить экономикой, не получать деньги из госбюджета, а зарабатывать. Время шло, он набирался опыта, двигался по карьерной лестнице, решал все новые задачи – сперва на грани возможного, потом за гранью (вроде организации военной промышленности СССР после начала войны). Уже в июне 1941 года он вошел в состав Государственного Комитета Оборона, а в мае 1944-го стал председателем Оперативного бюро ГКО, то есть вполне официально являлся вторым лицом в государстве.

После войны Оперативное бюро ГКО трансформировалось в Оперативное бюро Совета Министров, потом в Бюро Совмина. И до 1950 года данным органом руководил Берия. В зоне его влияния была вся работа по управлению экономикой, спецкомитеты (новые разработки в оборонной промышленности). Вне сферы его ответственности оставались лишь МГБ, работу которого курировал лично Сталин (кто занимался МВД – непонятно, может статься, что и Берия), МИД и армия – дела, к которым он никогда касательства не имел. По сути, Сталин и Берия поделили между собой власть в стране, при этом Сталин, естественно, приглядывал за бериевской половиной.

Любопытную фразу сказал старейший работник атомного проекта Алексей Кондратьев в интервью журналисту Роману Газенко. Было ему в описываемое время лет шестнадцать, так что едва ли у него имелись какие-то свои мысли по поводу государственного устройства – он слушал то, что говорили вокруг старшие. И вот среди текста Кондратьев выдает вдруг такую фразу: «Все знали, и мы знали, что Лаврентий Павлович будет после Сталина». «Все знали» – это как понимать? Весь атомный проект? Или же вся страна?

Косвенно роль Берии в новой системе власти подтверждает заведующий его секретариатом Григорий Ордынцев. 7 июля 1953 года он показывал на допросе:

«Примерно в конце марта м[еся] ца 1953 г. Берия вызвал меня и повел разговор о следующем: что, мол, теперь по старинке работать нельзя, что ему теперь придется влезать во многие дела, которыми раньше он не занимался... что ему нужно иметь помощников по различным отраслям, которые помогли бы ему разбираться в вопросах и готовить отдельные предложения для внесения в правительство... Такие работники были подобраны: на должность помощника по вопросам сельского хозяйства – Савельев и на должность помощника по вопросам промышленности – Фурдудев. Вскоре он взял себе помощника по международным вопросам Шарю, по внутривополитическим вопросам он мыслил использовать помощником Людвигова. В конце июня м[еся] ца 1953 года, когда в правительстве остро стали вопросы

стран народной демократии, Берия поручил мне подыскать ему в помощники квалифицированного экономиста, который бы занимался странами народной демократии. Но это поручение осталось невыполненным... Инструктируя своих помощников, он им говорил, что они призваны для того, чтобы следить за той или иной отраслью, изучать ее, а главное, для того чтобы на основе анализа помогать ему ставить в правительстве проблемные вопросы...»¹⁰

Итак, промышленность, сельское хозяйство, внутренняя и внешняя политика, плюс к тому, что Берия имел до сих пор (нефтяная промышленность, оборонный комплекс и пр.), плюс МВД, где помощники ему не требовались. Не слишком ли большой диапазон для заместителя председателя Совета Министров? До сих пор такой разброс интересов был только у Сталина...

А почему первым стал Маленков? Ну, во-вторых, характер у Берии был угловатый, стиль управления директивный – а как иначе в промышленности, где без такой-то матери даже станки не крутятся? Многолетнее общение с производителями ни для кого не проходит даром. Сталинское Политбюро к такому не привыкло. Но это во-вторых, а во-первых – национальность.

Была у Сталина одна особенность характера, в конечном итоге чрезвычайно дорого обошедшаяся стране – это его национальные комплексы. Уже давным-давно ни одного психически нормального человека в Советском Союзе не волновал грузинский акцент главы государства – а он все равно старательно выпихивал вперед русских: Молотова вместо себя, Жукова вместо Рокоссовского...

Берия же оказался еще в более сложном положении: грузин после грузина на главном посту страны. На самом деле все это надуманные страхи, и если жизнь будет налаживаться, страна точно так же станет рукоплескать Берии, удивляясь, как такая маленькая республика сумела дать двоих столь великих сынов, и рассуждая о том, что русский определяется не по крови, а по душе. (Хрущева от неприятия и злых анекдотов национальность не спасла.) Но у Лаврентия Павловича тоже могли существовать свои национальные комплексы, или же он считался со сталинскими, или просто не хотел верховной власти, а может, тут имелись еще какие-то причины.

Например, вот причина простая и очень прозаичная: болезнь. Берия после войны начал стремительно стареть. В 1953 году ему было всего-то 54 года, а выглядел он лет на десять старше. Отца одной моей знакомой, крупного конструктора, он принимал в своем кабинете лежа, что того чрезвычайно удивило. Можно предположить и диагноз – «профессиональная» болезнь членов атомного комитета, та, от которой вскоре умрут Малышев и Завенягин, ездившие по тем же объектам, что и Берия, и лававшие по тем же атомным полигонам. Болезнь, в то время еще практически неизученная, по которой врачи едва ли могли бы дать прогноз. В этом случае, действительно, не стоило рисковать новым переделом власти...

Как бы то ни было, председателем Совмина Берия не стал. Однако существуют признаки неформальные, косвенные, но красноречивые. Члены Политбюро относились друг к другу по-товарищески, но кое-где существовала определенная иерархия. Например, у гроба соратника. Давайте сравним две фотографии: похороны Калинина (1946) и похороны Сталина (1953). На первой сталинское место – спереди слева, спереди справа идет Молотов. На второй сталинское место занимает Берия, вместо Молотова рядом с ним находится Маленков.

Короче говоря: неужели так удивительно, что система власти весной 1953 года воспроизвела довоенную сталинскую систему? Заведомо слабая фигура нужной национальности в качестве формального главы государства, подчиняющаяся реальному лидеру. Кто им был – вопрос риторический, но все же давайте вспомним обстоятельства смерти Сталина.

¹⁰ Дело Лаврентия Берии. Сборник документов / Под ред. О. Мозохина // Дело Лаврентия Берии. Сборник документов.

...Уже ясно было, что вождь мертв, однако врачи все еще продолжали реанимацию, не решаясь отступить. Кто-то должен был дать приказ прекратить. Хрущев уверял впоследствии, что это был он, однако врачи вспоминают другое:

Из воспоминания доктора Г.Н. Чесноковой:

«...Мы делали массаж больше часа, когда стало ясно, что сердце завести уже не удастся... Наконец, ко мне подошел Берия, сказал: "Хватит!"»

Согласитесь, в этих обстоятельствах такой приказ мог дать лишь новый глава государства.

А вот теперь давайте окончательно квалифицируем то, что произошло в Москве 26 июня 1953 года. По официальной версии, в этот день был арестован и впоследствии предан суду заместитель председателя Совета Министров. В реальности же был внезапно и без предупреждения уничтожен глава государства.

Интересно, если бы в 1937 году оппозиционеры все же убили Сталина, решился бы кто-нибудь, ссылаясь на то, что убитый не занимал государственных постов, утверждать, что случившееся не является государственным переворотом?

Вопрос: за каким лешим остальным руководителям государства это понадобилось?

Глава 2

«Сказки дедушки Никиты»

Что-то с памятью моей стало...

Из песни

Версия событий, до сих пор считающаяся официальной, гласит примерно следующее.

После смерти Сталина в кремлевских верхах разгорелась борьба за власть. По поводу того, кто и с кем боролся, у разных историков существуют разные мнения... впрочем, об этом мы уже говорили. В итоге Маленков и Хрущев договорились между собой и с остальными соратниками, пригласили в Кремль генералов и прямо на заседании арестовали Берия, которого, в общем-то, и не жалко, потому что злодей был и собирался их всех не то в Магадан, не то к стенке... Потом пленум ЦК дружно заклеил его как врага народа, Генеральный прокурор Руденко провел следствие, и 23 декабря 1953 года Берия и шестеро его ближайших сподвижников были приговорены к расстрелу и в тот же день казнены. Все.

В общем, практически полный аналог знаменитых «дел тридцать седьмого года». На первый взгляд, конечно, поскольку оперируют в этой аналогии не реальными делами, а тем, как их преподносил журнал «Огонек». А вот начиная со второго взгляда в этой стройной истории появляются неувязки. Сперва между фразами, потом между словами, затем и буквы пропускают какие-то не такие...

За что?

Логика, друзья! Если нет закона, то нет и преступности. Так через что же нам переступить?

Лев Лукьянов. Вперед, к обезьяне!

Предысторию событий подробно излагает в своих воспоминаниях Хрущев. Никита Сергеевич в своем репертуаре – то ли держит читателей своих мемуаров за полных дураков, то ли сам заговаривается... Оказывается, все дело было в давным-давно расстрелянном наркомом здравоохранения, а может и не нарком, и давным-давно прошедшем пленуме ЦК, состоявшемся в июне 1937 года. Этот самый нарком, которого Хрущев нежно называл «Гришей Каминским», выступил на этом давно прошедшем пленуме со страшным разоблачением преступления Берии, совершенного им в 1919 году.

«Это был очень уважаемый товарищ с дореволюционным партийным стажем... Это был очень прямой, очень искренний человек. Я бы сказал, что у него была святая партийность и правдивость. Он выступил и сказал:

– Все выступают и все говорят, что знают о других. Я тоже хотел бы сказать, чтобы в партии было известно. Когда я работал в Баку (он работал секретарем Бакинского горкома партии в первые годы советской власти, еще при жизни Ленина. – Н. Х.), то ходили упорные слухи, что Берия во время оккупации Баку английскими войсками, когда было создано мусаватистское правительство, работал в органах контрразведки мусаватистов, а мусаватистская контрразведка работала под руководством английской контрразведки. Таким образом, говорили, что Берия в то время являлся агентом английской разведки через мусаватистскую контрразведку.

Он кончил. Никто не выступил с опровержением или с разъяснением. Даже Берия не выступал ни с какой справкой. Однако сейчас же после заседания Центрального Комитета Гриши Каминского уже не было, он был арестован и бесследно исчез...»

Да-да, и Хрущев шестнадцать лет терпел, никому не говорил ни слова и лишь теперь решился рассказать про Гришу. А прочие члены сталинского Политбюро, на том самом пленуме тоже присутствовавшие, об этой истории ни сном ни духом? То ли не знали, то ли дошло только сейчас – этикие гипержирафы! – и теперь они решили арестовать Берия, чтобы разобраться, что там было с Гришей...

На самом-то деле история работы Берии в мусаватистской контрразведке всплывала в течение двадцати лет раз десять, как минимум, и каждый, ее раскопавший, сигнализировал, «куда надо». Первый раз она разбиралась еще в 1920 году на Президиуме ЦК АКП(б). Берии без проблем удалось доказать, что работал он у мусаватистов по заданию партии (еще бы не удалось, об этом знали и Киров, и Орджоникидзе, и Микоян...). Об этом мог бы еще в 1937 году рассказать Хрущеву тот самый «Гриша Каминский», который в 1920-м был не секретарем Бакинского горкома партии, а ответственным секретарем ЦК КП(б) Азербайджана и мимо истории, разбиравшейся в ЦК, пройти просто не мог. Уже за пять лет данная сенсация настолько намозолила глаза руководству, что чекиста Ивана Павлуновского, отправляя в 1926 году на работу в Закавказье, сразу предупредили: тебе, мол, будут говорить, не обращай внимания... И вот эту уже тридцать лет как протухшую новость Никита Сергеевич вдруг вспомнил и принес членам Президиума ЦК с тревожным восклицанием: надо срочно разобраться!

Впрочем, к этим его соображениям примешивались и какие-то смутные опасения по поводу чего-то там... В своих воспоминаниях о событиях, которые предшествовали этому памятному дню, сначала он долго рассказывает о вопросах, по которым Президиум был не согласен с Берией: про национальные кадры, о Германии (стыдливо умолчав, что незадолго до того все они дружно подписывали соответствующие постановления), о каких-то там дачах, которые то ли были, то ли нет, и т.д. Причем, по его собственным словам, «в этих предложениях не все было неправильно», просто «Берия преследовал другие цели». Какие – о том наш телепат не говорит, хотя ведь должен знать, он же мысли читает¹¹. Потом вдруг ни с того ни с сего, обсуждая эти вопросы с Маленковым, Хрущев начинает трубить тревогу:

«Тут уж я Маленкову говорил:

– Слушай, товарищ Маленков, неужели ты не видишь, куда дело клонится? Мы идем к катастрофе. Берия ножи подобрал.

Маленков мне тогда ответил:

– Ну, а что делать? Я вижу это, но что делать?

Я говорю:

– Надо сопротивляться. Хотя бы в такой форме. Ты же видишь, что вопросы, которые ставит Берия, часто имеют антипартийную направленность. Надо не принимать их, а возражать против этого».

Так «ножи» или вопросы на заседаниях? Это все же разные вещи. Товарищи из Политбюро были далеко не овечками, они и со Сталиным пререкались только так. Но Хрущеву удобнее изобразить их запуганными до полной бессловесности, так что даже возразить Берии было для них подвигом.

Однако попробовали – и получилось!

«Я сейчас не помню, какие вопросы стояли, потому что много лет прошло. На заседании аргументированно выступили “против” по этим вопросам. Другие нас поддержали, и эти вопросы не были приняты. Так было сделано на нескольких заседаниях, и только после этого Маленков обрел надежду и уверенность, что, оказывается, с Берией можно бороться партийными методами и оказывать свое влияние на решение вопросов или отвергать предложения...»

¹¹ А иначе откуда ему знать, какие цели Берия преследовал на самом деле?

Какое все-таки счастье, что, когда Хрущев диктовал свои мемуары, он уже сидел в отставке, рядом не было многочисленных референтов и консультантов, и никто не мешал ему говорить, что в голову взбредет. Потом уже все эти тексты были облагорожены многочисленными писателями, которые их причесали, извлекли рациональное зерно, перевели в обычные формулы. А тут самый цимес-то в натуральном, неприкрашенном изложении! По рабочим вопросам они, видите ли, не сошлись! И оказалось, что с ним вполне можно бороться! Зачем тогда понадобились генералы и танки?

Итак, что было дальше?

«Мы видели, что Берия форсирует события. Берия уже чувствовал себя над членами Президиума, он важничал и даже демонстрировал свое превосходство. Мы переживали очень опасный момент. Я считал, что нужно действовать. Я сказал Маленкову, что надо поговорить с членами Президиума. Видимо, на заседании этого не получится, а надо с глазу на глаз с каждым переговорить и узнать их мнение по коренному вопросу отношений в Президиуме и их отношение к Берии...»

Дальше он на многих страницах описывает, как «разговаривал» с членами Президиума и кто как себя вел.

Булганин, оказывается, к тому времени уже «стоял на партийных позициях и правильно понимал опасность» – только по-прежнему непонятно, какую. Маленков тоже быстро согласился. Ворошилов праздновал труса, громко восхвалял Берию, но в конце концов обнял угаривавшего его Маленкова, поцеловал и заплакал.

Молотов тоже несколько не возражал:

«Очень правильно, что вы поднимаете этот вопрос. Я полностью согласен и поддерживаю вас. Ну, а дальше что вы хотите делать, к чему это должно привести?»

– Прежде всего нужно освободить его от обязанностей члена Президиума – заместителя председателя Совета Министров и от поста министра внутренних дел.

Молотов сказал, что этого недостаточно.

– Берия очень опасен, поэтому я считаю, что надо, так сказать, идти на более крайние меры.

Я говорю:

– Может быть, задержать его для следствия?

Я говорил “задержать”, потому что у нас прямых криминальных обвинений к нему не было. Я мог думать, что он был агентом мусаватистов, но это говорил Каминский, а факты эти никем не проверялись, и я не слышал, чтобы было какое-то разбирательство этого дела. Правда это или неправда, но я верил Каминскому, потому что это был порядочный партийный человек. Все-таки это было только заявление на пленуме, а не проверенный факт (да и заявление-то было всего лишь о том, что «ходят слухи»! – Е. П.). В отношении его провокационного поведения все основывалось на интуиции, а по таким интуитивным мотивам человека арестовывать невозможно. Поэтому я и говорил, что его надо задержать для проверки...»

Ага, вот и Гриша Каминский нарисовался! Только зачем задерживать Берию для проверки – ведь среди них был человек, который мог в точности просветить всех по поводу этой истории. Уж кто-кто, а Микоян-то знал все. Впрочем, это если действительно хотеть разобраться с Гришей, тогда надо спрашивать у Микояна, а если Гриша здесь играет роль фигового листочка, прикрывающего подлинные мотивы, то спрашивать как раз и не нужно. Кстати, по Хрущеву, с Микояном о Грише и не говорили.

«Позиция Микояна была такая: товарищ Берия действительно имеет отрицательные качества, но он не безнадежный, он в коллективе может работать. Это была совершенно особая позиция, которую никто не занимал...»

А как же Гриша?

Ладно, забудем о Грише, лучше скажите – вы что-нибудь поняли? Так собирались они арестовать Берия, или научиться с ним спорить, или снять его со всех постов – и езжай на дачу, сажай себе огурцы. А если собирались, то за что? За то, что он не может работать в их коллективе? Или за то, что вступил в партию ради карьеры? Даже при Ежове, в самый разгул репрессий, требовалось, как минимум, участие в правотроцкистском блоке и шпионаж. А теперь что же получается: десяток человек договорились, что кто-то им не подходит, вызвали команду, и все в порядке? Это уже и не фашизм даже, Гитлер себе такого не позволял...

Вячеслав Михайлович Молотов в своих беседах с писателем Феликсом Чуевым обнаруживает превосходную память, ясные и резкие оценки. Например, события ночи с 21 на 22 июня 1941 года он по памяти восстанавливает до мелочей. И вдруг, едва дело доходит до 26 июня, начинает путаться и мямлить, что, в общем-то, совсем не в духе Молотова.

«...Перед этим была подготовлена работа. Все-таки Хрущев тут был очень активным и хорошим организатором... Он вызвал меня в ЦК, я пришел. “Насчет Берии хочу поговорить. Нельзя ему доверять”.

Я говорю: Я уж вполне поддерживаю, что его надо снять, исключить из состава Политбюро....

...И уже перед самым заседанием мы уговорились, что его мало исключить из состава Политбюро, а надо арестовать».

Ну это мы уже слышали... Но за что, за что?!

«Хрущев как секретарь тогда выполнял обязанности Первого секретаря, но еще не был Первым секретарем, он был организатором всего этого дела. Почему? Он сидел в ЦК. И ему прислали информацию, видимо, такого рода, что что-то Берия готовит. А у него были воинские части. Помимо аппарата... Дивизия была МВД...»

Надо прочитать книгу Чуева, чтобы увидеть, насколько это нетипично: если уж Молотов, что-то знает, то он знает! Он говорит ясно и определенно. Человек это такой, что по информации «видимо, такого рода» и пальцем не шевельнет, пока ему все не разжуют, да еще исходники потребует. А тут Хрущеву, видимо, сообщили, что Берия, похоже, что-то там такое готовит... Что ж получается: он голосовал за арест члена Политбюро, даже не зная, в чем дело? Просто потому, что ему Хрущев сказал? Да кто такой этот Хрущев? Кем он был, когда Молотов уже сидел одесную от Сталина?

...Еще один свидетель – Каганович. Спустя почти сорок лет он рассказывал писателю Феликсу Чуеву:

«Дело было так. Я уезжал, был на Урале, а потом с Урала заехал в Горький... Потом получаю телефонограмму: “Приезжайте в Москву”. Я прервал пребывание в Горьком и выехал в Москву. Приехал. Хрущев звонит мне и говорит: “Приезжай ко мне”. Я пришел к нему. Так дело было. Он мне говорит – то-то и то-то. О заговоре не говорилось, что Берия – шпион, не говорилось. А говорилось о том, что он интриги завел, хочет свергнуть Политбюро и захватить власть. Я говорю: “Это плохо. Очень плохо”. “Вот мы хотим его снять”...

Я только сказал ему: “А может, его прижать и оставить все-таки, не снимать?” Он говорит: “Нет, это не выйдет, дело зашло далеко уж очень. Ты услышишь, там расскажут подробнее, на заседании”.

В сказочки о страшном тиране Сталине, запугавшем соратников до полной бессловесности, это вписывается прекрасно: вождь вызвал, сказал: арестовываем, и все покорно голосуют. Но вот незадача: тот же Лазарь Моисеевич подробно рассказывает, как на самом деле производились аресты.

Как арестовывали при Сталине людей, причастных к верхам? Лазарь Каганович в свое время поведал московскому историку Георгию Куманеву, как в 1941 году члены Политбюро решали судьбу его брата Михаила:

«Я пришел на заседание. Сталин держит бумагу и говорит мне: “Вот есть показания на вашего брата, на Михаила, что он вместе с врагами народа”. Я говорю: “Это сплошное вранье, ложь”. Так резко сказал, не успел даже сесть... Сталин говорит: “Ну а как же показания?” Я отвечаю: “Показания бывают неправильные. Я прошу вас, товарищ Сталин, устроить очную ставку. Я не верю всему этому. Прошу очную ставку”.

Он так поднял глаза вверх. Подумал и сказал: “Ну, что ж, раз вы требуете очную ставку, устроим очную ставку”.

Через два дня меня вызвали. Маленков, Берия и Микоян вызвали меня в один кабинет, где они сидели. Я пришел. Они мне говорят: “Мы вызвали сообщить неприятную вещь. Мы вызывали Михаила Моисеевича на очную ставку”. Я говорю: “Почему меня не вызвали? Я рассчитывал, что я на ней буду”. Они говорят: “Слушай, там такие раскрыты дела, что решили тебя не волновать”. Во время той очной ставки был вызван Ванников, который показывал на него. А Ванников был заместителем Михаила в свое время...

И вот вызвали Ванникова и других, устроили очную ставку. Ну, эти показывают одно, а Михаил был горячий человек, чуть не с кулаками на них. Кричал: “Сволочи, мерзавцы, вы врите” и т.д., и проч. Ну, при них ничего не могли обсуждать, вывели арестованных, а Михаилу говорят: “Ты иди, пожалуйста, в приемную, посиди, мы тебя вызовем еще раз. А тут мы обсудим”.

Только начали обсуждать, к ним вбегают из приемной и говорят, что Михаил Каганович застрелился. Он действительно вышел в приемную, одни говорят, в уборную, другие говорят, в коридор. У него при себе был револьвер, и он застрелился».

Этот отрывок нуждается в некоторых пояснениях. По-видимому, в 1941 году НКВД раскапывал достаточно старую историю, времен 1937—1938 годов. Тогда Михаил Каганович был наркомом оборонной промышленности, а Ванников – его заместителем. К 1941 году роли поменялись: Михаил Каганович (не из-за интриг, а по причине непригодности к посту наркома) «спустился» до директора завода, а Ванников, наоборот, стал наркомом. НКВД представил материалы на Михаила Кагановича, и Политбюро – что? Приказало его арестовать? Нет, ничего подобного: изучив все материалы, оно должно было дать санкцию на арест, после чего в дело вступали уже НКВД и прокуратура.

Не важно, сколько правды по поводу невиновности Михаила Моисеевича содержится в этом рассказе. Важна не его вина, а механизм принятия решения. Обратите внимание: Михаил Каганович не входит в высшую номенклатуру, он всего лишь директор завода и брат одного из членов Политбюро. Время на дворе – август 1941 года, представляете, какое времечко? Тем не менее Политбюро тщательно изучает все материалы на Кагановича, проводит очную ставку с Ванниковым и даже после этого еще не делает никаких выводов. Вывод сделал сам Михаил Каганович – он застрелился, чем, по логике того времени, признал свою вину. Тем не менее дело продолжать не стали, Михаил Каганович остался членом ЦК, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Вот так проводились аресты людей из верхушки. А тут у них, видите ли, интуиция разыграла...

Итак, мы имеем трех человек из верхов, соизволивших оставить воспоминания о том дне. Хрущев несет неизвестно что, Молотов и Каганович начинают крутить и мямлить, хотя с тех прошло больше тридцати лет, и, казалось, чего им бояться? Если была причина для ареста Берии, так и назвали бы. Получается, что этой причины либо не было, либо случилось что-то такое, что даже на старости лет, когда события стали давно прошедшими, у свидетелей напрочь отшибло память. Может, вся вина Берии заключалась в том, что они действительно хотели власти?

А зачем им власть? У Ленина не было выбора, он воплощал в жизнь великую теорию, у Сталина тоже не было, он спасал страну, а у Хрущева? Все работает, все крутится, высокий

пост, нехилое содержание – живи и радуйся. Нет, бывают люди, которые хотят просто властвовать, но такие редко добиваются своего и обычно это дело проваливают. Кстати, Хрущев и провалил...

Роковая кнопка

— А ты разве не хозяйка своих рук?

– Нет, я не хозяйка своих рук.

М/ф «Маша больше не лентяйка»

Итак, что решили делать с Берией, непонятно – то ли рискнуть возразить, то ли снять, то ли задержать для проверки истории тридцатилетней давности. Однако что-то решили, собрали заседание. И что дальше?

Вспоминает Хрущев:

«...Мы условились, как я говорил, что соберется заседание Президиума Совета Министров, но пригласили туда всех членов Президиума ЦК. Маленков должен был открыть не заседание Президиума Совета Министров, а заседание Президиума ЦК партии...

...Когда Маленков открыл заседание, он сразу поставил вопрос:

– Давайте обсудим партийные вопросы. Есть такие вопросы, которые необходимо обсудить немедленно.

Все согласились.

Я, как мы заранее условились, попросил слова у председательствующего Маленкова и предложил обсудить вопрос о товарище Берия. Берия сидел от меня справа.

Он сразу же встрепенулся, взял меня за руку, посмотрел на меня и говорит:

– Что ты, Никита? Что ты мелешь?

Я говорю:

– Вот ты и послушай. Я об этом как раз и хочу рассказать.

Вот о чем я рассказал. Начал я с судьбы Гриши Каминского... У меня все время в голове бродила мысль о том, что вот такое заявление сделал Каминский и никто не дал объяснения – правильно или неправильно он говорил, было это или не было. Потом я указал на последние шаги Берия уже после смерти Сталина...»

Дальше он перечисляет все, в чем был не согласен с Берией, – про национальные республики, про Германию и т.д.

«...Я закончил словами:

– В результате действий Берии у меня сложилось впечатление, что он не коммунист, что он карьерист, что он пролез в партию из карьеристских побуждений. Он ведет себя вызывающе, недопустимо. Невероятно, чтобы честный коммунист мог так вести себя в партии...

...Потом остальные выступали...

...Когда все высказались, Маленков, как председатель, должен был подвести итог и сформулировать постановление. Он, видимо, растерялся, заседание оборвалось на последнем ораторе. Получилась пауза.

Я вижу, что такое дело, и попросил Маленкова, чтобы он мне предоставил слово для предложения. Как мы и условились с товарищами, я предложил поставить на пленуме ЦК вопрос об освобождении Берии от обязанностей заместителя председателя Совета Министров, от поста министра внутренних дел и, в общем, от всех государственных постов, которые он занимал.

Маленков все еще пребывал в растерянности. Он даже, по-моему, не поставил мое предложение на голосование, а нажал секретную кнопку и вызвал военных, как мы условились.

Первым зашел Жуков. За ним – Москаленко и другие генералы. С ними были один или два полковника...»

А эти-то откуда взялись? Собрались члены Президиума ЦК обсудить недостатки в работе, а в соседней комнате – вот ведь совпадение какое! – уже сидела команда. Не из воздуха же генералы по маленковскому звонку материализовались...

Итак, по Хрущеву, дело было так: Президиум ЦК сговорился между собой, основываясь на каких-то смутных слухах и хрущевской интуиции, взять и по-простому лишить всех государственных постов второе лицо в государстве (напоминаю: фактически первое!), подготовился к этому, отобрал команду из верных военных, договорился с ними обо всем, даже об условном сигнале. Берии высказали все претензии и, даже не выслушав – а вдруг он сумеет объясниться! – отправили в тюрьму. Виноват во всем Маленков, это он порядок действий перепутал.

Лихо! Журнал «Огонек» со своими сказками о страшном Сталине нервно курит в сторонке.

Но и это еще не все.

«...Почему мы привлекли к этому делу военных? Высказывались соображения, что если мы решили задержать Берия и провести следствие, то не вызовет ли Берия чекистов, нашу охрану, которая была подчинена ему, и не прикажет ли нас самих арестовать? Мы совершенно были бы бессильны, потому что в Кремле находилось довольно большое количество вооруженных и подготовленных людей. Поэтому и решено было привлечь военных.

Вначале мы поручили арест Берии товарищу Москаленко с пятью генералами. Он и его товарищи должны были быть вооружены, и их должен был провезти с оружием в Кремль Булганин. Накануне заседания к группе Москаленко присоединился маршал Жуков и еще несколько человек».

Интересно, а что они собирались с этими пистолетами делать? Чтобы нейтрализовать охрану правительства, десятка вооруженных генералов маловато будет. Пугать членов Президиума? Так ведь они вроде бы заодно. Или нет?

«Одним словом, в кабинет вошло не пять, а человек десять или больше.

Маленков мягко так говорит, обращаясь к Жукову:

– Предлагаю вам, как Председатель Совета Министров СССР, задержать Берия.

Жуков скомандовал Берии:

– Руки вверх!

Москаленко и другие даже обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на какую-то провокацию. Берия рванулся к своему портфелю, который лежал у него за спиной на подоконнике. Я Берия схватил за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием, если оно лежало в портфеле.

Потом проверили – никакого оружия у него с собой не было ни в портфеле, ни в карманах. Он просто сделал рефлексорное такое движение.

Берия сейчас же взяли под стражу и поместили в здании Совета Министров рядом с кабинетом Маленкова...»¹²

Ясно, зачем пистолеты – вдруг Берия тоже вооружен и откроет стрельбу. И при всех опасениях никто Лаврентию Павловичу даже за спину не зашел. Может, им надо было взять с собой кого-нибудь попроще, какого-нибудь капитана-разведчика – он бы лучше справился...

Ни сам Хрущев, ни товарищи по Президиуму ЦК ни тогда, ни спустя много лет так и не конкретизировали, к какой «катастрофе» вел страну Берия, какие «ножи» и к кому он подбирал, в чем заключались его коварные планы. Разве что гуляет какая-то невразумительная легенда о том, что злодей Лаврентий намеревался 27 июня, когда весь Президиум соберется

¹² Хрущев Н. Акция // Берия – конец карьеры. М., 1991. С. 275—278.

в Большом театре на премьерке оперы «Декабристы», их там арестовать. Но не то что доказательств, а даже тени какой-нибудь косвенной улики никто никогда так и не обнаружил. Даже руденковское следствие, специально ради поиска «преступлений Берии» проведенное и уполномоченное как угодно бить арестованных и вытягивать из них жилы, ничего не предъявило. В приговоре лишь голословно говорится: *«Судебным следствием установлено, что, изменив Родине и действуя в интересах иностранного капитала, подсудимый Берия сколотил враждебную Советскому государству группу заговорщиков... Заговорщики ставили своей преступной целью использовать органы Министерства внутренних дел против Коммунистической партии и правительства СССР, поставить Министерство внутренних дел над Партией и Правительством для захвата власти, ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановления господства буржуазии»*. И все. Больше в приговоре на эту тему ни слова, ни одного конкретного факта.

А кто тут, собственно, Верховный?

Не надо думать, с нами тот, кто все за нас решит!

Владимир Высоцкий. Солдаты группы «Центр»

Армия устроена так, что всегда точно известно, кто кому подчиняется. Иначе это не армия, а колхозный рынок. Во время войны она подчинялась Верховному главнокомандующему. После войны – министру обороны, тот, в свою очередь, председателю Совета Министров. А вот какие приказы председатель Совмина имел право отдавать единолично, а для каких требовалась санкция и чья именно?

Но совершенно точно одно: военные имели право арестовывать только военных. Берия же относился к системе госбезопасности – а это совсем другое ведомство. То есть действия вызванных кнопкой генералов были изначально незаконны. Сейчас исполнитель преступного приказа несет ответственность вместе с тем, кто его отдал. У нас нет оснований считать, что тогда было иначе – после Нюрнберга армейские юристы должны были снег студить.

Вот и вопрос: генералы, оказавшиеся в комнатке возле кремлевского кабинета, попали туда по чьему приказу? И почему они его выполняли?

Трое из них оставили воспоминания о том дне. Итак, начнем. Говорит маршал Жуков, в то время первый заместитель министра обороны:

«...Меня вызвал Булганин – тогда он был министром обороны – и сказал:

– Садись, Георгий Константинович.

Он был возбужден, даже не сразу поздоровался, только потом подал руку, однако не извиняясь.

Помолчали. Затем Булганин, ничего не говоря по существу дела, сказал:

– Поедем в Кремль, есть срочное дело.

Поехали. Вошли в зал, где обычно проходят заседания Президиума ЦК партии. (А разве не в кабинете Маленкова дело было? – Е. П.)

Потом я узнал, что в тот день было назначено заседание Совета Министров. И министры, действительно, были в сборе. На заседании информацию должен был делать Берия. И он готовился.

Я оглянулся. В зале находились Маленков, Молотов, Микоян, другие члены Президиума. Берии не было.

Первым заговорил Маленков – о том, что Берия хочет захватить власть. Что мне поручается вместе со своими товарищами арестовать его.

Потом стал говорить Хрущев... Микоян лишь подавал реплики. Говорили об угрозе, которую создает Берия, пытаясь захватить власть в свои руки.

– Сможешь выполнить эту рискованную операцию?

– Смогу – отвечаю я».

Итак, что происходит? Маршал Жуков – не новобранец из деревни Козлово, он отлично знает, кто может отдавать ему приказы и какие именно. Тем не менее легко и непринужденно идет на так называемую «рискованную операцию». Но и это еще не все.

«Знали, что у меня к Берии давняя неприязнь, перешедшая во вражду. У нас еще при Сталине не раз были стычки. Достаточно сказать, что Абакумов и Берия хотели в свое время меня арестовать... Берия нашептывал Сталину, но последний ему прямо сказал: “Не верю. Мужественный полководец, патриот и – предатель. Не верю. Кончайте с этой грязной затеей”. Поймите после этого, что я охотно взялся его арестовать. За дело.

Решено было так. Лица из личной охраны членов Президиума находились в Кремле, недалеко от кабинета, где собрались члены Президиума. Арестовать личную охрану самого Берии поручили Серову. А мне нужно было арестовать Берию.

Маленков сказал, как это будет сделано. Заседание Совета Министров будет отменено, министры отпущены по домам. Вместо этого он откроет заседание Президиума.

Я вместе с Москаленко, Неделиным, Батицким и адъютантом Москаленко должен сидеть в отдельной комнате и ждать, пока раздадутся два звонка из зала заседания в эту комнату».

Итак, говоря коротко, что произошло? Министр обороны привез своего первого зама в Кремль, где тому предложили арестовать одно из первых лиц государства. Причем так предложили, словно и мысли не имели, что он может отказаться: вызвали в Кремль и велели. И тот спокойно так, ни о чем не задумываясь, радостно ответил: «Арестовать? Да пожалуйста! Делов-то...»

Но должны же были объяснить, за что? Генералы, конечно, люди прямые, но не до такой же степени! Тут уже ни слова про Гришу Каминского, а лишь о том, что Берия пытается захватить власть.

Впрочем, как бы то ни было с властью, все равно арест, по мнению Георгия Константиновича, будет «за дело», ибо подлец Берия пытался арестовать его самого, маршала Жукова, да и вообще у них плохие отношения. Правда, если Берия и хотел его арестовать, то, по-видимому, законными методами, а не просто схватить за шиворот на заседании Политбюро... Ну да не генеральское это дело – законы разбирать. Генеральское дело – выполнять приказы. Министр приказал, Жуков выполнил. В Нюрнберге, правда, за такую исполнительность вешали, не принимая оправданий. Так что остается лишь подивиться высокой храбрости прославленного маршала.

Еще один свидетель – генерал Москаленко. Этот всю часть активных действий приписывает себе, а Жуков, мол, рядом стоял. Впрочем, это неважно, для военных такое типично. Важно то, что Москаленко получил задание совсем из других рук.

«...В 9 часов утра мне позвонил по телефону АТС Кремля Хрущев Н.С. Поздоровавшись, он спросил:

– Имеются в вашем окружении близкие вам люди и преданные нашей партии так, как вы преданы ей?

Подумав, я ответил:

– Такие люди имеются, и партии они преданы беззаветно.

После этого Хрущев сказал, чтобы я взял этих людей с собой и приезжал с ними в Кремль.

Тут же он добавил, чтобы я взял с собой планы ПВО и карты, а также захватил сигары. Я ответил, что заберу с собой все перечисленное, однако курить бросил еще на войне,

в 1944 году. Хрущев засмеялся и сказал, что сигары могут потребоваться не те, которые я имею в виду.

Только тогда я догадался, что надо взять с собой оружие.

Намек Хрущева на то, что надо взять с собой оружие, навел меня на мысль, что предстоит выполнить какое-то важное задание Президиума ЦК КПСС...»

Так, а это уже очень интересно. Стало быть, в описываемое время Советская армия подчинялась Президиуму ЦК КПСС? А Хрущев, надо понимать, по примеру Сталина, не иначе как Верховный главнокомандующий. Нет? Тогда с какого перепугу генерал Москаленко собрал команду и поехал к Хрущеву выполнять явно мутное задание? И кстати, насколько мне известно, планы ПВО – документы высочайшей степени секретности, и возить их без санкции министра обороны, пусть даже и секретарю ЦК...

Правда, потом Москаленко спохватывается и пишет, что ему позвонил еще и министр обороны Булганин, вызвал к себе, и уже от него генерал получил формальный приказ. Причем Булганин сказал, что вызвал его потому, что ему позвонил Хрущев. Так кто в СССР все-таки Верховный?

Дальше генерал позаботился и о команде.

«Нажатием кнопки электрического сигнала я тут же вызвал офицера для особых поручений майора Юферева В.И., начальника штаба генерал-майора Баксова А.И., начальника Политуправления полковника Зуба И.Г. и сказал им: надо ехать в Кремль, взяв с собой оружие, но так как его ни у кого не было, то я вызвал коменданта штаба майора Хижняка М.Г. и приказал ему принести и выдать пистолеты и патроны. Так как группа была маленькая, то я позвонил начальнику штаба ВВС (бывшему начальнику штаба Московского округа ПВО) генерал-майору Батицкому П.Ф. и предложил ему прибыть ко мне, имея с собой оружие».

Что было потом?

«И вот часов в одиннадцать дня 26 июня мы по предложению Булганина Н.А. сели в его машину и поехали в Кремль. Его машина имела правительственные сигналы и не подлежала проверке при въезде в Кремль...»

В общем, партия велела, министр обороны ответил: «Есть!» – и повел в Кремль генералов с оружием.

«Вслед за нами на другой машине подъехали Жуков Г.К., Брежнев Л.И., Шатилов, Неделин, Гетман и Пронин А.М. ... Всех нас Булганин повел в комнату ожидания при кабинете Маленкова, затем оставил нас и ушел в кабинет к Маленкову.

Через несколько минут вышли к нам Хрущев, Булганин, Маленков и Молотов. Они начали нам рассказывать, что Берия в последнее время нагло ведет себя по отношению к членам Президиума ЦК, шпионит за ними, подслушивает телефонные разговоры, следит за ними, кто куда ездит и т.д. (То есть, надо понимать, не Берия, а МВД? – Е. П.). Они информировали нас, что сейчас будет заседание Президиума ЦК, а потом по условленному сигналу, переданному через помощника Маленкова – Суханова, нам нужно войти в кабинет и арестовать Берия...»¹³

Товарищ генерал отдает себе отчет, что он только что описал государственный переворот, назвал поименно его участников и стоящие за ними силы?

Версия помощника Маленкова

Его лицо было безупречно скорбным.

Вера Камша. Сердце Зверя

¹³ Москаленко К. Как был арестован Берия // Берия – конец карьеры. М., 1991. С. 283—285.

Как видим, в основу расправы над Берией положены пока что всего лишь смутные опасения да хрущевская интуиция. Но вот, наконец, мы добрались и до заговора. Как ни странно, о нем поведал персонаж второстепенный. В книге Владимира Карпова «Маршал Жуков. Опала» приводятся воспоминания еще одного участника событий. Это Дмитрий Суханов, бывший помощник Маленкова. Как оказалось, заговор все-таки был. И даже два.

«Первый готовил Берия на 26 июня, намереваясь с помощью его охраны, приставленной к членам Президиума ЦК, всех их арестовать после просмотра спектакля в Большом театре (об этом коллективном просмотре было принято решение) и после театра всех привезти на Лубянку, ну, а дальше предъявить им соответствующие обвинения. И Берия захватывает всю власть в стране».

А затем идет совершенно иное развитие событий – аж дух захватывает!

«...Об этом его намерении знали и поддерживали Хрущев и Булганин, с которыми у Берия были очень доверительные отношения».

То есть секретарь ЦК Хрущев и министр обороны Булганин его поддерживали. В состав Президиума ЦК в то время входило десять человек. Против кого «точил ножи» Берия? Министр машиностроения Сабуров и соратник Берии по Спецкомитету, один из создателей атомной бомбы Первухин? Так это люди Берии. Министр торговли Микоян? Председатель Президиума Верховного Совета Ворошилов? А эти-то кому мешали? Остаются председатель Совмина Маленков, его первый зам Каганович и министр иностранных дел Молотов.

Так зачем было арестовывать «всех» в Большом театре? А если только Маленкова с Молотовым – так почему переворот устроил Хрущев? Ему-то что грозило?

«Дошла информация о замысле Берия и до Маленкова. Он вызвал Хрущева и Булганина к себе в кабинет (по телефону говорить не стал, опасаясь подслушивания) и прямо им заявил, что знает и о заговоре Берия, и об их в нем участии. Хрущев и Булганин думали, что они теперь из кабинета Маленкова не выйдут, а их выведет охрана, которая подготовлена в приемной. Но Маленков в смутное время после смерти Сталина не хотел осложнять обстановку в руководстве партии. Главное было обезвредить Берия. И он заявил Хрущеву и Булганину, – что они могут искупить свою вину перед партией и жизнь свою сохранить только активным участием в аресте Берия. Оба поклялись быть верными партии. После этого и как бы для проверки его преданности, Маленков поручил Булганину провезти подобранных Жуковым военных в Кремль на своей машине, т.к. у них нет пропусков...»

Какие милые люди! И какие последовательные! Предсовмина, только что демонстративно отказавшийся от партийного поста, требует верности партии. Хрущев с Булганиным боятся парней из управления охраны, которые подчиняются Берии, хотя всего-то и делов, что попросить старшего охранника связаться с оберзаговорщиком Лаврентием Павловичем. Однако они предпочли переобуться в прыжке.

Дальше идет рассказ об аресте, которого сам Суханов не видел, поскольку, как он говорил, сидел в своей комнате вместе с генералами.

«Неожиданно Маленков предложил изменить повестку заседания и рассмотреть вопрос о Берия, который хотел совершить государственный переворот.

Маленков поставил на голосование:

– Кто за арест Берия?

Голосовали “за” – Первухин и Сабуров. Против – Молотов, Ворошилов, Каганович. Воздержались – Хрущев, Булганин, Микоян.

Молотов обрушился на Маленкова с обвинением в произволе. Вот в этот момент Маленков нажал кнопку вызова. И вошли военные во главе с Жуковым.

Когда вошли военные, Берия сидел с опущенной головой и не видел, кто именно входит. Он не знал, что Маленков нажал кнопку вызова. Берия подумал, что военные входят для действий по его плану, который был намечен тоже на 26 июня. Но как увидел Жукова, так

сразу все понял. Маленков повторил предложение об аресте Берии. Теперь, при военных, все проголосовали “за”».

А разве Берия не 27 июня собирался всех арестовать? И зачем ему для этого генералы, когда есть чекисты?

«Прежде чем увести Берия в комнату отдыха, чтобы ничего не знала его охрана, ожидавшая в приемной, Жуков спросил Маленкова: “Может быть, арестовать и членов Президиума ЦК, бывших в сговоре с Берией?” Маленков не принял предложения маршала Жукова, не хотел, чтобы его обвинили в диктаторстве. Это был крупный политический просчет Маленкова, за который он позднее поплатился».

А в чем разница-то? Почему арестовать одного члена Президиума – это не диктаторство, а троих – диктаторство?

Но это еще не все! Дальше начинается уже совершенно невероятный полет фантазии:

«Вскоре после ареста Берия Маленкову доложили, что в кабинете Берия, на рабочем столе при обыске был обнаружен лист голубой бумаги, на котором троекратно было красным карандашом написано слово “Тревога!” На следствии Берия признался, что это было предупреждение Хрущева и Булганина о провале заговора. Если бы Берия перед заседанием заехал в свой кабинет, то он был бы спасен, и все могло кончиться большой кровью. На бланке Совмина с повесткой дня рукой Берия тоже было написано троекратно “Тревога!”. Видно, он хотел как-нибудь передать этот лист охране, но не удалось. Этот бланк принесли мне».

Да, конечно, «вертушки» у Хрущева не было, позвонить он не мог. Ах да, телефоны прослушивались... Но ведь прослушивали их люди Берии! Впрочем, бланки с надписью «Тревога» больше нигде не всплывали.

Но затем рассказ меняется – в нем появляются любопытные подробности.

«Я договорился с генералом Шаталовым, что он распорядится о подготовке отряда, преданных Родине офицеров, для замены охраны от МГБ в помещении Президиума ЦК КПСС. Генерал позвонил из моего кабинета. Я распорядился в гараже ЦК выслать в штаб МВО пять машин ЗИС-110 с правительственными номерами и сигналами, чтобы их пропустили без проверки. Эти машины привезли 30 офицеров, которые заменили внутреннюю охрану ГБ, после чего можно было выводить и вывозить Берия. На одной из машин Москаленко и еще четверо генералов отвезли Берия на гарнизонную гауптвахту».

«Генерал Шаталов» – это, надо полагать, упоминаемый Москаленко генерал Шатилов. Правда, единственный генерал с такой фамилией, которого удалось найти, в то время служил в Сибири, но мог и в Москву приехать. А вот откуда он взял за пару часов отряд из тридцати «преданных партии офицеров»? И кто дал ему право отдавать приказы кремлевским водителям? Однако это единственная конкретика, о которой говорит только Суханов, так что, возможно, разговор имел место в его присутствии.

В конце разговора Суханов, *«человек серьезный, ни разу не улыбнулся во время беседы и, отвечая на мое последнее замечание, твердо сказал:*

– Вы просили рассказать как было? Я вашу просьбу выполнил»¹⁴.

Сказка очаровательная в своей абсурдности. Товарищу Суханову бы не протоколы заседаний – ему бы романы писать... или с каменным лицом голову собеседнику морочить. Тем не менее этот прелестный бред с переобувшимся Хрущевым и голубой бумагой он на полном серьезе рассказывал известному писателю.

Был ли Суханов участником заговора? Если да, то почему с ним произошло то, что произошло? В 1956 году его посадили на 10 лет – но за что!

В 1958 году Хрущев рассказывал на заседании в Ленсовете... Нет, это просто песня!

¹⁴ Карпов В. Маршал Жуков. Опала // Читать – Оглавление – Книга «Маршал Жуков. Опала» – Карпов Владимир Васильевич – ЛитЛайф – книги читать онлайн – скачать бесплатно полные книги.

«У Булганина выиграла облигация много лет тому назад... Эта облигация выиграла большую сумму денег. У Булганина все номера облигаций были переписаны. Когда он стал искать эту облигацию, то ее не оказалось в личном сейфе Булганина. Об этом он тогда никому ничего не сказал, ну, пропала и пропала. Когда арестовали Берия и стали переписывать сейф Берии, то эту облигацию нашли в сейфе у Берии... Суханов участвовал в описи. Он взял эту облигацию и положил ее в свой карман, а в опись не поставил. Потом Булганин заявил в сберкассе, что такая-то облигация пропала. И забыл об этом. Это было лет пять тому назад. Но когда Суханов послал женщину получать деньги, то девушка, выдававшая выигрыши, посмотрела на номер облигации и сказала, зная о том, что об этом номере заявлено, чтобы зашли завтра, и когда она на завтра пришла, ее задержали. Она оказалась из Секретариата Маленкова. Ее арестовали. Маленков, конечно, здесь ни при чем. Маленков не знал. Это уже вор у вора, как говорится, дубинку украл».

Шедеврально! Берия спер у Булганина облигацию, которую, в свою очередь, прибрал к рукам Суханов. Вот так сразу и понял, что облигация выигрышная, украл, держал где-то в столе три года, послал какую-то девушку... Это к вопросу о том, насколько можно верить Хрущеву. Писатель Юрий Мухин утверждает, что на самом деле Суханов украл восемь пар наградных часов, золотой значок и облигации, принадлежавшие секретарю Берии Ордынцеву. Разница, впрочем, невелика. Получил он десять лет, хотя по Уголовному кодексу 1926 года кража личного имущества граждан наказывается лишением свободы на срок до трех месяцев.

Хрущев, как я уже говорила, врет, как дышит, но кое-какая информация в последнее время всплыла. Суханову дали десять лет по ст. 2 Указа Президиума ВС СССР от 4 июня 1947 г.: «хищение государственного имущества, совершаемое повторно, а равно совершенное организованной группой (шайкой) или в крупных размерах». И десять лет там были минимальным сроком. Представлять хоть булганинские, хоть ордынцевские облигации особо крупных размеров госимуществом – это уже перебор, да и восемь пар часов на особо крупный размер не тянет. Хрущев же, вместо того, чтобы помочь (он и не таких из тюрьмы вытаскивал), в 1958 году еще и ославил Суханова. За что он так поступил с товарищем по заговору, скрывавшим в своей комнатке генералов с пистолетами? Только не говорите, что из священного трепета перед законом, не поверю. Тут больше всего похоже на расправу с человеком, который слишком много знал.

Однако самое интересное не это. В декабре 1957 года Суханова допрашивал прокурор Следственного управления Прокуратуры СССР. Речь на допросе шла о Маленкове, но попутно его бывший помощник изложил свою биографию¹⁵. Так вот: согласно этому протоколу, 5 марта 1953 года он был назначен заведующим канцелярией (особым сектором) ЦК КПСС. Так что в июне 1953 года он никак не мог быть помощником Маленкова, поскольку тот не имел отношения к аппарату ЦК. Вновь Суханов занял должность помощника лишь в 1954 году. Присутствовать при аресте Берии он физически не мог, равно как и прятать в своей комнатке генералов, поскольку в июне 1953 года не сидел в той комнатке. Максимум он выполнял ту же роль при Хрущеве. Ну или генерал мог звонить из его кабинета – только не «сибиряк» Шатилов, а какой-то другой, и не после событий, а перед ними. То, что чекистскую охрану в Кремле сменили на военную, известно и из других источников, причем произойти это должно было до совещания. Подготовленные парни из Управления охраны никак не могли пропустить визит в кабинет Маленкова одиннадцати генералов, причем явно встревоженных и напряженных (они же не разведчики, конспирацией не владеют).

¹⁵ Протокол допроса Д.Н. Суханова, помощника Г.М. Маленкова, о работе с Маленковым и обстоятельствах ареста. 27 декабря 1957 г. РГАНИ. Ф. 6. Оп. 19. Д. 12. Л. 38—47 // Протокол допроса Д.Н. Суханова, помощника Г.М. Маленкова, о работе с Маленковым и обстоятельствах ареста / Маленков

В этой истории еще столько будет откровенного бреда... Однако за что Хрушев и компания расправились с Сухановым, не имевшим отношения к событиям 26 июня? Если за то, что много знал – то когда и при каких обстоятельствах он узнал это «многое»? И чего, скажите, боялся почти 90-летний Суханов годы и годы спустя? Или он придумал эту сказочку из чистой любви к искусству?

Итак, с учетом танковых полков, которые к тому времени уже полным ходом мчатся к столице, мы получаем классический сценарий путча. Правительство под пронзительным взглядом генералов принимает решение, которое от него требуют. И то, что все это организует предсовмина, ничего не меняет. Когда в октябре 1993 года в России был расстрелян парламент, то во главе этого действия вообще стоял президент, но суть – она не изменилась. Можно спорить, являются ли такие действия государственным переворотом, ибо переворот – это когда меняется государственный строй. Да, но... но когда одна часть власти в обход всех и всяческих законов учиняет расправу над другой ее частью, это безусловно значит, что строй изменился. Из конституционного он превратился в неконституционный. А то, что потом конституционность была восстановлена – это уже совсем другая история...

Вообще по поводу нарушений и восстановлений конституционного строя мне часто приходит на память эпизод из романа Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан». Там нехороший заговорщик положил топор под компас, так что корабль, который шел к западному побережью Америки, в сильный шторм, незаметно для капитана, обогнул мыс Горн и вышел в Атлантический океан. Потом топор был вытасчен, и корабль пошел правильным курсом – но уже совсем к другому континенту.

Глава 3

Мастера камуфляжа

Традиция есть традиция, если ее не соблюдать, дуэль ничем не будет отличаться от драки пьяных возчиков.

Вера Камша. От войны до войны

Итак, переворот налицо. Внезапно, по сговору с группой лиц из государственной верхушки группа генералов арестовала второе (а фактически первое) лицо в государстве. Что было дальше? Маршал Жуков пишет:

«Держали до 10 часов вечера, а потом на ЗИСе положили сзади, в ногах сиденья, укутали ковром и вывезли из Кремля. Это затем сделали, чтобы охрана, находившаяся в его руках, не заподозрила, кто в машине.

Вез его Москаленко. Берия был определен на гауптвахту, вернее, в тюрьму Московского военного округа. Там находился и во время следствия, и во время суда, там его и расстреляли»¹⁶.

По официальной версии, на гауптвахте Берия пробыл всего сутки, после чего его перевели в бункер во дворе штаба Московского военного округа и содержали уже там. Как водится, и тут вагон несообразностей, начиная с ковра (вы представляете себе процесс перевозки в автомобиле ЗИС достаточно крупного человека, замотанного в ковер? Да завтра по всей Москве звон пойдет, что генералы в Кремле кучу ковров сперли).

Дальнейшие события тоже отмечены ворохом несообразностей – где больших, где меньших. Военные явно не собирались выпускать бывшего министра из своих хватких рук.

Человек в шляпе

Через шесть месяцев вы наденете красивое платье и поедете в Букингемский дворец. Если король догадается, что вы не настоящая леди, полиция схватит вас и отвезет в Тауэр, и там вам отрубят голову в назидание другим чересчур дерзким цветочницам.

Бернард Шоу. Пигмалион

Итак, Берию закатали в ковер, вывезли из Кремля и временно поместили на гарнизонной гауптвахте. Вечером следующего дня его перевели в штаб МВО, в подземный командный пункт – якобы опасаясь доверить охрану министра внутренним людям из его ведомства. Притом его арестованных соратников почему-то содержали в Лефортове и потом в Бутырках, ничего не опасаясь – а ведь это были люди, каждый из которых вполне мог заменить министра в случае силовых действий. Неужели кто-то думает, что, если бы тому же Богдану Кобулову удалось бежать, он не был бы опасен? Ого-го! Вот и вопрос: почему его или бывшего министра госбезопасности Абакумова (о котором речь впереди) после ареста можно было содержать в Лефортове, а Берию – нельзя?

В «деле Берии» есть и множество бюрократических несостыковок. Несовпадение дат ареста и оформления положенных ордеров и согласований – вещь, в общем-то, житейская и вполне объяснимая. Но существует, например, такая процедура, как оформление арестованного при поступлении в тюрьму. При ней заполняют так называемую «анкету арестованного», человека фотографируют определенным образом – анфас и в профиль, снимают отпечатки

¹⁶ Жуков Г. Рискованная операция // Берия – конец карьеры. М., 1991. С. 281—283.

пальцев. В деле имеются анкеты на всех арестованных – как на самого Берия, так и на его людей. А вот с фото уже сложнее. Богдан Кобулов и остальные сфотографированы, как положено, но с их начальником почему-то – сплошные «московские тайны». Вместо фотографии установленного образца в деле приведено не пойми что. Андрей Сухомлинов, бывший военный прокурор, получивший доступ к документам «дела Берии» и написавший о нем замечательную книгу, по этому поводу пишет:

«Штаб округа – место, конечно, историческое, но для содержания подследственных непригодное, да и навыков у военных в этом деле не было никаких. Во всяком случае, при заполнении анкеты арестованного Берия, которое производил следователь прокуратуры СССР Царегородский, в штабе даже не смогли сфотографировать его, Берия, как положено – в анфас и профиль. Ограничились комическим фото штабного фотографа. Дактилоскопирование, т.е. получение образцов отпечатков пальцев, – обязательная процедура в МВД при аресте – также не производилось».

Интересно, а у присутствовавшего при сем действе следователя прокуратуры товарища Царегородского тоже навыков не было? Анкету ведь он сумел заполнить, причем на бланке установленного образца. Разве так трудно в том же штабе раздобыть оборудование для снятия отпечатков пальцев? Это ведь не атомный реактор, а всего лишь подушечка с краской. И почему, спрашивается, штабному фотографу, который по должности в основном тем и занимается, что фотографирует офицеров на документы, не под силу было сделать фото анфас и в профиль? Что тут такого невыполнимого?

В книге Сухомлинова приведена упоминаемая им «комическая» фотография – сидит снятый в три четверти спокойный добрый дедушка... Это когда человек, которого только что арестовали и приволокли в тюрьму, так глядел? Вы на портреты его соратников посмотрите! Явно выдрали фотку из семейного альбома, а внучку, которую Берия на коленях держал, отрезали.

Так почему же все-таки не сделали фото по правилам? Знаете, ответ тут может быть лишь один: не могли. Почему? И снова один ответ: поскольку самого Берии в наличии не имелось. А иметься в наличии его не могло только по одной причине: не было в живых. А то куда бы он делся?

С отпечатками пальцев еще каверзнее получилось. Ладно, труп не сфотографируешь анфас и в профиль. Но ведь отпечатки пальцев с него снять можно! Однако не сняли. А значит, и трупа, скорее всего, к тому времени уже не было. Ну не рассматривать же всерьез неумение работника прокуратуры снимать отпечатки пальцев?

А «штабная» канитель продолжалась. Берия или же кого-то еще, но какого-то человека в бункере явно содержали, кормили, водили на допросы, орали на него в присутствии свидетелей. Существуют воспоминания очевидцев. Первое из них приводит все тот же Сухомлинов:

«Машинистка военного совета и ветеран штаба МВО Екатерина Алексеевна Козлова рассказывает, что на все время нахождения Берия в бункере передвижение по территории внутреннего двора штаба было сначала запрещено, а потом ограничено. Начальник штаба округа генерал-полковник С. Иванов приказал закрасить белой краской все окна на первом и втором этажах, чтобы никто не видел, как водят Берия.

Сопровождал его всегда полковник Юферов с охраной. Он практически каждый день водил Берия на допросы. Екатерина Алексеевна Козлова вспоминает, что многие офицеры в своих кабинетах тайком отчищали краску с окон, чтобы посмотреть на Берия. Интересно было.

Она, Е.А. Козлова, этого, правда, не делала, поскольку сама работала в том же главном корпусе, куда приводили Берия. Несколько раз видела его в коридоре и запомнила, что он всегда был в шляпе, горло замотано шарфом, а осенью и зимой 1953 года на нем было черное пальто».

Вас, кстати, ничего тут не удивляет? На дворе лето или ранняя осень, идти по двору всего ничего. Зачем надевать шляпу, да еще обматывать горло шарфом? Берия и на похоронах Сталина, в крутой мороз, не прятался. Достаточно взглянуть на фото: все Политбюро в теплых шапках, а он в своей неизменной романтической шляпе. Стало быть, не мерзляк. Летом, кстати, он и вовсе шляпу не носил – а тут вдруг начал кутаться. С чего?

Ответ опять же прост. Все эти меры нужны были только в одном случае: если в бункере содержали не Берию, а похожего на него человека. Причем не слишком похожего, иначе зачем закрывать лицо шляпой и шарфом? Конечно, работники штаба его в лицо не знали – но вдруг кто-нибудь видел, запомнил, обратит внимание на несходство персоны?

Есть другое свидетельство, довольно забавное. В еженедельнике «Независимое военное обозрение» № 41 за 2000 год, в материале Александра Щелокова «Самодурство с большими звездами» содержится такой вот любопытный рассказ:

«Мой коллега и приятель военный журналист Алексей Котенев рассказывал о случае, свидетелем которого был сам. Генерал (впоследствии – маршал) Павел Батицкий, в 1953 году обеспечивавший охрану бункера, в котором содержался арестованный Лаврентий Берия, дневал и ночевал на охраняемом объекте. И вот однажды ему сообщили, что Берия отказался от пищи и объявляет голодовку. Батицкий рассвирепел. Он отправился в бункер. Перед ним открыли стальные тяжелые двери. Батицкий нервными шагами спускался в чрево подземного командного пункта, и его басовитый командирский рык разносился под сводами:

– Берия, е... твою мать! Не будешь жрать, в цепи закую!

Позже Котенев признавался, что угроза Батицкого произвела впечатление даже на него – вовсе не заключенного... Берия продолжать голодовку не рискнул».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.